

Государственное бюджетное учреждение культуры Архангельской области
«Архангельская областная научная ордена “Знак Почета”
библиотека имени Н. А. Добролюбова»

Региональный центр книги

«Вася Тёркин – мой герой!»
История «Книги про бойца» Александра
Твардовского
Литературный вечер

Архангельск
2025

УДК 021.4+ 027.02

ББК 78.374.3+83.3(2Рос=Рус)6-8Твардовский А.Т.

В 209

Материал подготовила: Титова Галина Павловна, главный библиотекарь Регионального центра книги Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова

Вася Тёркин — мой герой! История «Книги про бойца» Александра Твардовского : литературный вечер : [электронное издание] / Государственное бюджетное учреждение культуры Архангельской области «Архангельская областная научная ордена “Знак Почета” библиотека имени Н. А. Добролюбова» ; Региональный центр книги ; материал подготовила Г. П. Титова. — Архангельск, 2025. — 20 с.

В сценарии вечера представлена история создания легендарного произведения поэта-фронтовика Александра Трифоновича Твардовского «Книга про бойца». Используются материалы биографии, писем и воспоминаний, дневниковые записи военкора А. Т. Твардовского 1941–1945 годов. Сценарий сопровождается электронной презентацией, на которой представлены фото-, аудио- и видеоматериалы.

Адресовано специалистам муниципальных общедоступных библиотек Архангельской области», сотрудникам региональных библиотек для проведения мероприятий первой межрегиональной акции в поддержку книги и чтения «День с Александром Твардовским», посвященной 115-летию со дня рождения писателя.

УДК 021.4+ 027.02

ББК 78.374.3+83.3(2Рос=Рус)6-8Твардовский А.Т.

© ГБУК АО «Архангельская областная научная библиотека имени Н. А. Добролюбова», 2025

Слайд 1. Заставка акции

Слайд 2. Заставка вечера

Слайд 3 Твардовский

«Книга про бойца»... в годы войны была для меня истинным счастьем: она дала мне ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся, непринужденной форме изложения. «Тёркин» был для меня во взаимоотношениях поэта с его читателем — воюющим советским человеком — моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю.

Слайд 4. Заставка / музыка / движение

Часть 1. «НА ТОЙ ВОЙНЕ НЕЗНАМЕНИТОЙ»

Слайд 5

Василий Тёркин начал сражаться еще во время Советско-финляндской войны 1939/40 года. Как это получилось? Идея создания поэмы родилась у Александра Твардовского, тогда военного корреспондента, в снегах Финляндии. В ожесточенных боях на Карельском перешейке поэт видел, как воевал «русский труженик-солдат», который «еще вчера был землепашцем, шофером или кузнецом». «На той войне незначительной», несоизмеримой по масштабам и значению с Великой Отечественной войной, были люди, память о которых не подлежала забвению. Воину не дано выбирать ни времени, ни места, где ему придется сложить голову за родину — под Сталинградом или где-нибудь под Киркой-Муолой.

Слайд 6

Твардовский

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.
Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А всё еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал.
Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забывший, маленький, лежу...

Слайд 7

Стихотворение «Две строчки» написано в 1943 году. Это год окончания Сталинградской битвы, сражения на Курской дуге. Уже завершилась битва под Москвой и другие события великой войны. А Твардовский, чью поэму «Василий Тёркин» читали в окопах солдаты, пишет о неизвестном мальчике, чей труп замерз во льдах Финляндии. Тот далекий конфликт в памяти народа сохранится надолго: многочисленные потери не могла заслонить ни мартовская победа 1940 года, ни Великая Отечественная война.

Слайд 8

В 1939 году за поэму «Страна Муравия» и другие стихи Твардовского награждают орденом Ленина и Сталинской премией, которую он переведет в Фонд обороны Родины. Поэт заканчивает учебу в МИФЛИ — Московском институте философии, литературы и истории, призывается в Красную армию, участвует в походе советских войск в Западную Белоруссию. В ноябре, когда началась финская война, он вновь был призван, уже в офицерском звании, корреспондентом газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины». Твардовский — «писатель с двумя шпалами» — майор. Среди старших коллег, известных поэтов, журналистов, в редакции газеты он был самый молодой — ему 29 лет.

Слайд 9

Газета выполняла свою главную задачу — поднимала боевой дух войск. На маршах, под огнем и на коротких привалах создавались строки, которые шли тут же на газетную полосу. Это были передовицы, стихи о героях, только что отличившихся в боях; очерки, фельетоны, солдатский юмор и лирика; рифмованные призывы к наступлению, листовки и поэмы. Это был непрерывный, напряженный, ежедневный, направленный на Победу труд.

Слайд 10

Среди стихотворений финской войны, написанных Твардовским для армейских газет, одно — про Героя Советского Союза Григория Пулькина. Фамилия, геройский подвиг, отношение к жизни — всё кажется придуманным. А между тем Пулькин был реальный человек, и рядом со стихотворением в газете был напечатан его портрет. Прославился кузнец из Башкирии тем, что обнаружил вражеских лазутчиков. Был ранен нападавшими финнами командир батареи Маргулис. Но его подчиненные не растерялись. Вместе с наводчиком орудия Григорием Лаптевым они стойко отражали нападение, несмотря на численное превосходство врага. По мнению многих, Пулькин был одним из прототипов будущего Василия Тёркина.

Слайд 11

Твардовский

Столбами черными в пожаре
Взлетала мерзлая земля,
Вдвоем атаку отражали
Они, как два богатыря...
Живи, мое простое слово,
Из сердца стих стучи в сердца.
Я славлю подвиг рядового
Красноармейца-кузнеца...

Слайд 12

Записная книжка поэта, которая пополнялась от случая к случаю, сохранила много интересных деталей. Именно они позволяют узнать и непарадную сторону похода, и процесс накопления материала для будущей поэмы. Мы видим, как менялись настроение поэта, интонации в стихах. Твардовский вполне сознательно не спешил вносить на первых порах лирику в «газетные» стихи. Но его знание деревенской жизни, умение подмечать характерные детали все-таки пробиваются через агитационный «частокол» и запреты в военной газете.

Слайд 13

Твардовский

Не дым домашний над поселком,
Не скрип веселого крыльца,
Не запах утренний сенца
На молодом морозе колком,
А дым костра, землянки тьма,
А день, ползущий в лес по лыжням,
Звон пули в воздухе недвижимом,
Остекленевшем — вот зима...

Слайд 14

Твардовский подмечает не только «запах кузницы» возле позиций артбатарей, но и судьбы братьев наших меньших, которые оказались брошенными людьми и войной в морозы 1940 года. Он вспоминает собаку по кличке Белофинн, которая жила в редакции дивизионной газеты 90-й стрелковой дивизии, котов в землянках. Одного из них даже отогреет под полой полушубка в Выборге. Позднее он напишет стихотворение «Жеребенок»:

Слайд 15

Твардовский

Гнедой, со звездочкой-приметой,
Неровно вышедшей на лбу,
Он от своих отбился где-то,
Заслышав первую стрельбу.
Под фронтовым суровым небом
Прижился он, привык у нас,
Где для него остатки хлеба
Бойцы носили про запас...

Слайд 16

Очерк «Доктор Макс» станет едва ли не лучшим журналистским материалом Твардовского. Писатель признает, что герой описан точно, «только опущено много тяжелого». Можно не сомневаться, что появление в поэме «Василий Тёркин» главы «Смерть и воин» также стало зеркальным отражением его впечатлений от посещения лазаретов на Карельском перешейке.

— Ага! Так. Ничего страшного. Еще немножечко. Больно? Ну, сейчас уже не больно будет. Всё. Водички? Можно. Даже чайку можно. Как ваша фамилия? Серов? Всё в порядке, товарищ Серов. — Перевязанного уносят». Когда выясняется, что у раненого пропала шапка, доктор отдает ему свою: «Зачем мне здесь шапка?»

Слайд 17

Твардовский

Привезли меня на танке, —
Начал Тёркин, — сдали с рук.
Только нет моей ушанки,
Непорядок чую вдруг.
И не то чтоб очень зябкий, —
Просто гордость у меня.
Потому, боец без шапки —
Не боец. Как без ремня.
А девчонка перевязку
Нежно делает, с опаской,
И, видать, сама она
В этом деле зелена.
— Шапку, шапку мне, иначе
Не поеду! — Вот дела.
Так кричу, почти что плачу,
Рана трудная была.
А она, девчонка эта,
Словно «баюшки-баю»:
— Шапки вашей, — молвит, — нету,
Я вам шапку дам свою.
Дорога бойцу, как память.
А еще сказать могу
По секрету, между нами, —
Шапку с целью берегу.
И в один прекрасный вечер
Вдруг случится разговор:
«Разрешите вам при встрече
Головной вручить убор».

Слайд 18

На страницах газеты «На страже Родины» любой негатив, что мог повлиять на боевой дух красноармейцев, был исключен. О потерях, потоке раненых с передовой, случаях членовредительства и обморожений в издании не сообщалось ни в первый месяц войны, ни в последующие. В войска прибывало пополнение из других округов, шли тренировки и обучение красноармейцев действиям по штурму укрепленных огневых точек — дотов. Войска нуждались в моральной поддержке. Сотрудники редакции решили, что нужно завести что-нибудь вроде «уголка юмора» или еженедельного коллективного фельетона, где были бы стихи и картинки. И вот целый коллектив авторов — поэты Александр Твардовский, Николай Щербаков, Николай Тихонов, Цезарь Солодарь и Самуил Маршак, художники Вениамин Брискин и Василий Фомичёв придумали для раздела «Прямой наводкой» бодрого, неунывающего бойца, с винтовкой, пером и кистью за плечами.

Слайд 19

Твардовский

Кто-то предложил имя будущему герою — Вася Тёркин. Были и другие: Ваня Мушкин, Федя Протиркин и даже Вася Пулькин. В конце концов после жарких дебатов, сошлись на имени Васи Тёркина. В газете 30 декабря публикуется графический образ Васи, а 5 января 1940 года в газете появляется стих «Вася Тёркин, кто такой?». Я должен был дать хотя бы самый общий портрет Тёркина и определить тон и манеру разговора с читателем. Вася в первоначальном облике — балагур и весельчак, воин-герой:

Богатырь, сажень в плечах,
Ладно сшитый малый.
По натуре — весельчак,
Человек бывалый.
Хоть в бою, хоть где невесть,
Но уж это точно:
Перво-наперво поесть
Вася должен прочно,
Но зато не бережет
Богатырской силы
И врагов на штык берет,
Как снопы на вилы.
И при этом, как ни строг
С виду Вася Тёркин,
Жить без шутки б он не мог
Да без поговорки...

Слайды 20–21

Карикатуры-комиксы, которые рисовали художники Брискин и Фомичёв, состояли из шести картинок. Они имели серийную подачу и общий заголовок: «Как Вася Тёркин белофиннов взорвал», «Как Вася Тёркин белофинский штаб уничтожил», «Как Вася Тёркин “языка“ добыл». Конечно, создатели персонажа не относились к нему всерьёз, сюжеты были наивны и неправдоподобны: Вася «на лыжах донесение доставил», «пролетая леса выше, над бурливую рекой», «через горы, водопады мчась без удержу вперед»; из кабины вражеского самолета он «кошкой» вытянул «за штанину» шюцкоровца (Шюцкор — военная организация, которую возглавлял лично Маннергейм). Основным автором подписей к картинкам стал Николай Щербаков, красноармейский поэт (псевдоним Снайпер), давний сотрудник редакции.

Слайд 22

Первая биография Васи Тёркина принадлежит перу классика советской детской литературы Самуила Маршака, который по просьбе А. Твардовского тоже подключился к творческому процессу. Он приехал во второй половине февраля 1940 года в Ленинград из Москвы. Редакция готовила праздничный номер. В изложении Маршака Вася — комсомолец, гармонист, футболист, весельчак, пулеметчик-герой. Интересно, что поэт менял его место рождения:

Не в Париже, не в Нью-Йорке —
В деревушке под Москвой
Родился Василий Тёркин,
Наш товарищ боевой.

Слайд 23

За время финской войны, с ноября 1939-го по март 1940-го, вышло около 30 публикаций о Васе Тёркине. Не было такого направления боевых действий, в которых он не проявил бы себя в качестве незаурядного бойца. Уже тогда Твардовский обратил внимание читателей на разницу в имени Вася и Василий: «Ладят с Васей как ни с кем, потому что любят». Эту народную любовь автор постарается сохранить. Но из фельетонного и «плоского» газетного персонажа Твардовский создаст впоследствии настолько объемную и яркую фигуру, что она будет практически живой для тысяч читателей поэмы. Не зря ответ Твардовского читателям «Как был написан Василий Тёркин» появится сразу в первых послевоенных изданиях «Книги про бойца».

Слайд 24

На материале финской войны — не оборонительной, а наступательной — Твардовский намеревается создать «ценнейший подарок армии», книгу, которая поможет молодежи полюбить военную службу. В начале 1941 года вышла книжечка стихов, выпущенная журналом «Огонек». В него вошли стихи Твардовского о командире орудия Лаптеве, шофере Артюхе, кузнеце Пулькине. В них поэт увидел черты будущего Тёркина. Книжечка ценна еще и тем, что здесь одно из редких фото Твардовского периода Советско-финляндской войны.

Слайд 25

«Если бы фотография сейчас ожила, — то вы бы услышали, как Александр Твардовский читает стихотворение “Гармонь”, — вспоминал сотрудник редакции газеты фотограф Николай Хандогин. — Да, то самое. Что потом вошло в поэму. Тёркин на моих глазах родился».

...Только взял боец трехрядку,
Сразу видно — гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.
Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив,
И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.
От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь...

Слайд 26

Друзья вспоминали: «Морозы стояли страшные, но их не замечали: такое горячее было время. Твардовский всюду хотел побывать: беседовал с бойцами, делал на ходу какие-то записи — всё его интересовало. А чутье у него — ну просто репортерское». В окружной газете поэт написал 35 стихотворений, пять очерков, обзорную статью о стихах военкоров, а также несколько стихотворений и статей в соавторстве с другими писателями и журналистами. Авторитет поэта и его литературный вес в красноармейской газете росли. Оценкой его работы станет очередная награда — орден Красного Знамени. 3 марта 1940 года Твардовский пишет старшему другу поэту Михаилу Исаковскому.

Твардовский

Живу я хорошо. Втянулся. Езжу непрерывно, приезжаю сюда только затем, чтобы выписаться, отоспаться, отогреться и отмыться. Люди, с которыми за эти месяцы довелось встретиться, и всё, что довелось увидеть, сделали из меня почти совсем другого человека. Короче говоря, мне открылся новый, необычайно суровый и вместе с тем очень человеческий, дружный и радостный мир. Я рад, что он стал доступен и понятен мне. Красную Армию я полюбил так, как до сих пор любил только деревню, колхозы. И, между прочим, очень много схожего. Мне кажется, что армия будет второй моей темой на всю жизнь.

Слайд 27

Поход Красной армии в Финляндию завершился внезапно. 12 марта 1940-го части РККА еще штурмовали Выборг, когда в Москве был подписан мирный договор. В освобожденном городе писатели побывают в Выборгском замке, поднимутся на башню Олафа. Там группу писателей-спецкоров запечатлеет Николай Хандогин. Они улыбаются, радуясь весеннему солнцу, тому, что самое страшное уже позади. Война закончена. Впереди отпуск после долгой командировки, свидание с родными. Победа.

Слайд 28. Заставка / музыка / движение

Часть 2. «ВПРЯГАЮСЬ В ПОЭМУ»

Слайд 29

О начале Великой Отечественной войны Александр Трифонович узнал на даче в подмосковной деревне под Звенигородом, где отдыхал с семьей в отпуске и «только что устроился с надеждой на доброе работающее лето со своими бумагами и тетрадками». «Война с Германией. Еду в Москву» — эта короткая запись, сделанная Твардовским 22 июня 1941 года, положила начало его военным дневникам, которые поэт будет вести каждый день все последующие четыре года.

Слайд 30

Твардовский прошел с боевыми частями Красной Армии по дорогам войны многие сотни километров. В середине 1942 года он был переведен на Юго-Западный фронт, и теперь до самого конца войны его родным домом стала редакция фронтовой газеты «Красноармейская правда».

Твардовский

Мы всё время в движении. Здесь всё совсем по-другому, это не Финляндия. Работать я еще толком не работал, т. к. редакция требует в первую очередь не стихов, а материала фактического, который дороже всего и труднее его добывать...

Слайд 31

По воспоминаниям художника Ореста Верейского, тогда Твардовский «был удивительно хорош собой. Высокий, широкоплечий, с тонкой талией и узкими бедрами. Держался он прямо, ходил, расправив плечи, мягко ступая, отводя на ходу локти, как это часто делают борцы. Военная форма очень шла ему. Голова его горделиво сидела на стройной шее, мягкие русые волосы, зачесанные назад, распадалась в стороны, обрамляя высокий лоб. Очень светлые глаза его глядели внимательно и строго.

Слайд 32

От него, как и от всех военкоров, требовалось писать просто, незатейливо, непременно с оптимизмом и без всякого новаторства. Первое редакционное задание он не выполнил. «В первой поездке я с непривычки (потому что ничего подобного не видел в Финляндии) немного опешил и вернулся без единой строчки материала». Об ужасном разгроме Днепровской флотилии в дни боев под Каневом не смог написать ничего, настолько его это потрясло. Это связалось в сознании с общим тяжелым положением на фронтах и с лично пережитым в поездке случаем под бомбежкой, когда лишь мгновенная реакция товарища спасла от неминуемой гибели...

А хотелось творить по-настоящему, оставить для истории и литературы правдивые, незабываемые образы солдат, каждодневно и еженощно делавших свою трудную, смертельно опасную работу. Посылая в редакцию письма, они рассказывали о своих товарищах, о боевых эпизодах и фронтовых буднях. Газета сообщала бойцам немало полезных сведений: как подшить валенки, как правильно поставить палатку, наладить работу походной кухни и т. д.

Твардовский

На фронте один товарищ подарил мне толстую тетрадь в черном клеенчатом переплете. В эту тетрадь я наклеивал или подкалывал мою ежедневную «продукцию» — вырезки из газеты. В обстановке фронтового быта, переездов, ночевок в пути, в условиях, когда всякий час нужно было быть готовым к передислокации и быть всегда в сборе, эта тетрадь, которую я держал в полевой сумке, была для меня универсальным предметом, заменявшим портфели, папки архива, ящики письменного стола и т. п. Она поддерживала во мне очень важное в такой жизни, хотя бы условное чувство сохранности и упорядоченности «личного хозяйства».

Слайд 33

На фронте его свела судьба с Аркадием Петровичем Гайдаром, с которым Твардовский сблизился в 1940 году и был одним из последних, кто его видел. Военный корреспондент «Комсомольской правды» Гайдар остался в партизанском отряде, а 26 октября 1941 года погиб в бою под деревней Леплява Каневского района.

Во время войны выявилась еще одна характерная черта Твардовского: он не только никогда не шеголял своей храбростью, но, напротив, нередко в дневнике подчеркивал те моменты, когда испытывал чувство страха. Но он спокойно и с достоинством выходил под огонь, когда этого требовали обстоятельства. Однажды чуть не погиб во время авианалета. Позже шутил по этому поводу: «Планшеткой голову от бомб прикрывал. Помогло». Вот, например, его запись о поездке в Гродно:

Твардовский

В городе продержались мы с редактором часа два, делая по возможности вид друг перед другом, что страшно нам не очень. А было очень страшно... Уже не испытываешь ни малейшего любопытства, томишься собственной неприкаянностью, праздною здесь, где идет тяжелое дело, которым люди занимаются по прямому долгу... Мы, корреспонденты, сидели километрах в трех-четырех в штабе дивизии, с профессиональной бессовестностью ожидая, когда можно будет выезжать в Вильнюс, поснимать и поспешить обратно.

Слайд 34

Весной 1942 года Твардовский был переведен в резерв в Москву. Ему пришла счастливая мысль продолжить поэму о Тёркине, «уже как о бойце новой, большой войны», Александр Трифонович собрал разрозненные записи и наброски и вновь сел за работу, которая сразу же приняла соответствующий военному времени фронтовой темп. «Война всерьез, и поэзия должна быть всерьез», — пишет Твардовский в дневнике. И первые главы поэмы не о победоносных боях, а о самом горьком — кровопролитном отступлении. Собственно, эта книга и стала столь ценной на фронте, потому что была правдива. Еще в прологе Твардовский ставит перед собой одно-единственное условие:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Слайд 35

Твардовский

Мне в этом новом для меня материале было дорого всё до мелочей — какая-нибудь картинка, словесный оборот, отдельное слово, деталь фронтового быта. А главное — мне были дороги люди, с которыми я успел повстречаться, познакомиться, поговорить на Карельском перешейке. Я был восхищен их душевной красотой, скромностью, высокой политической сознательностью, готовностью прибегать к юмору, когда речь заходит о самых тяжелых испытаниях, которые им самим приходилось встречать в боевой жизни.

Создавалась поэма в условиях фронтовых, с их бесконечными переездами, срочными заданиями и командировками, прерывающими иногда надолго написание очередных глав.

На войне, под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.
Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей...

Слайд 36

4 сентября 1942 года на фронтах Великой Отечественной сложилась тяжелая обстановка. Немцы рвутся к Волге у Сталинграда, пробиваются до самого Терского хребта на Кавказе, теснят нашу оборону подо Ржевом, впереди была самая страшная зима блокады Ленинграда. Именно в это время «Красноармейская правда» начинает публикацию поэмы Александра Твардовского «Василий Тёркин. Книга про бойца». Ценными советами и замечаниями помогала автору жена Мария Илларионовна, которая с детьми находилась в эвакуации в Чистополе. Он часто ей писал, делился планами и замыслами.

Твардовский

И надо было, чтоб в это самое время у меня явилась радостная мысль работать над своим «Тёркиным» на новой, широкой основе. Я начал — и пошло, пошло. Когда я отделявал «Переправу», я еще не знал, что впрягаюсь в поэму, и потом всё сильнее впрягался, и вскоре у меня было такое ощущение, что без этой работы мне ни жить, ни спать, ни есть, ни пить. Что это мой подвиг на войне... Больше должно быть предыдущей биографии героя. Она должна проступать в каждом его жесте, поступке, рассказе. Но не нужно ее давать как таковую. Достаточно ее продумать хорошо и представлять для себя. Если самого не волнует, не радуется, не удивляет порой хотя бы то, что пишешь, — никогда не взволнует, не порадует, не удивит другого: читателя, друга-знатока.

Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.
Почему так — без начала?

Потому, что сроку мало
Начинать ее сначала.
Почему же без конца?
Просто жалко молодца.
(«От автора»)

Слайд 37

Из разных фрагментов поэмы складываются главные события тёркинской довоенной биографии. Перед нами судьба, близкая и понятная многим бойцам на фронте: Тёркин родом со Смоленщины, жил в селе, был гармонистом, мастером на все руки. Обычная его жизнь в колхозе прервана войной. Он уже воевал, прошел Советско-финляндскую войну: *«и ранение имею, и контузию одну»*. В июне 1941 года Тёркин вновь был призван, в июле начал воевать, отступал от западной границы, трижды попадал в окружение. Возраст его — *тридцати неполных лет*, но он «большой охотник жить лет до девяноста», человек мирный, гражданский, война для него — стихийное бедствие, горячая работа. Смысл фамилии героя раскрывается словами самого Тёркина: «Перетерпим. Перетрем». Герой — третий калач, он не раз бывал в сложных ситуациях и передрыгах, но всегда находил выход. Тёркин своей неувязимостью и «всеприсутствием» в самых разнообразных ситуациях напоминает находчивого героя бытовой солдатской сказки.

Твардовский

Тёркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.
При фамилии такой
Вовсе неказистой,
Слава громкая — герой —
С ним сроднилась быстро.

Красотою наделен
Не был он отменной,
Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Тёркин на войне.
— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

Ну, а если спросят: «Кто ты?» —
То ответишь, не соврешь:
— Я простой боец пехоты
Лучше службы не найдешь.

Слайд 38

Тёркин — из числа чернорабочих войны, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть войны... «войска, самого близкого к земле, к холоду, к огню и смерти», — писал Твардовский в самом начале своего замысла. По словам Василя Быкова, «ни один род войск не в состоянии сравниться с ней в ее циклопических усилиях и ею принесенных жертвах. Видели ли вы братские кладбища, густо разбросанные на бывших полях сражений от Сталинграда до Эльбы, вчитывались ли когда-нибудь в бесконечные столбцы имен павших, в огромном большинстве юношей 1920–1925 годов рождения? Это — пехота. Она густо устлала своими телами все наши пути к победе...»

Твардовский

И усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.
Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Слайд 39

Автор отдал герою всё лучшее, что имел сам, свой огромный, неисчерпаемый талант и свое большое сердце, свое вдохновение, шутки и выдумки, тепло и бодрость духа. Интуиция и мудрость подсказали Твардовскому, что «в тяжкий час земли родной» надо говорить только о главном и вековечном — о Родине большой и малой, о семье и доме, о долге и чести, о жизни и смерти. Об этом и ведется самый серьезный разговор в «Книге про бойца». Он обращался к людям, которых, по его словам, «нельзя было не уважать, не любить».

Поэт делает Тёркина своим земляком. Семья солдата остается в немецкой оккупации — то же произошло с семьей Твардовского. Поэтому слова о немцах, которые хозяйничают на Смоленщине, полны неподдельной личной горечи:

Твардовский

И в твоей родимой речке
Мылся немец тыловой.
На твоём сидел крыльчке
С непокрытой головой.

И кругом его порядки,
И немецкий, привозной
На смоленской узкой грядке
Зеленел салат весной...

И ходил сторонкой, боком
Ты по улочке своей, —
Уберегся ненароком,
Жить живи, дышать не смей.

Слайд 40

Детство поэта прошло в Смоленской губернии, на хуторе его отца Загорье вблизи деревни Сельцо (настоящая глухомань, откуда было невозможно выбраться по весеннему или осеннему бездорожью). С 18 лет Твардовский жил в Смоленске — и мыслями постоянно возвращался к детским впечатлениям, притом что в его биографии были горькие моменты — родные Твардовского, автора поэмы о коллективизации, были раскулачены и выселены. Но в «Тёркине», в главе «О себе», детские воспоминания становятся залогом праведной ярости по отношению к врагу:

Слайд 41

Твардовский

Спорить здесь нужды не вижу,
Сознавайся в чем в другом.
Я ограблен и унижен,
Как и ты, одним врагом.

Я дрожу от боли острой,
Злобы горькой и святой.
Мать, отец, родные сестры
У меня за той чертой.
Я стонать от боли вправе
И кричать с тоски клятой.
То, что я всем сердцем славил
И любил, — за той чертой.

Слайд 42

Во время войны немцы хутор Загорье сровняли с землей. Твардовский побывал там летом 1943 года и не узнал даже пепелище отцовского дома. Ни дерева, ни сада, ни кирпичика или столбика от построек....

В поэме генерал награждает Тёркина за удаль и отвагу и решает дать солдату отпуск домой.

Что ж, боец — душа живая,
На войне второй уж год...
И не каждый день сбивают
Из винтовки самолет.
Молодца и в самом деле
Отличить расчет прямой,
— Вот что, Тёркин, на неделю
Можешь с орденом — домой...

Тёркин объясняет, что это невозможно, и показывает генералу свою деревню на карте — на оккупированной территории. Генерал обещает освободить деревню — в конце поэмы это обещание выполнено.

Генерал отметил точку.
— Вот что, Тёркин, в одиночку
Не резон тебе идти.
Потерпи уж, дай отсрочку,
Нам с тобою по пути...

А пока даже дороги нет в родное село, сначала надо победить:

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Слайд 43

Юмор помогает «обжить» войну, перетерпеть страх и невзгоды. Василий Тёркин — балагур и весельчак, на привале вокруг него всегда собирается компания: Тёркин сплет и сыграет на гармонии, у него всегда наготове шутка и острое слово.

Твардовский

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.
Не прожить, как без махорки,
От бомбёжки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой...

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.
В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч.

Слайд 44

Твардовский подчеркивает, что в каждой роте есть такой человек. Сильный, смелый и находчивый, но при этом простой и понятный каждому, для многих солдат он был настоящим примером для подражания, который вдохновлял их на подвиги и помогал справиться с тяготами войны. Тёркин оказался одним из немногих солдат-пехотинцев, которые прошли войну «от звонка до звонка», в боях он получил не менее двух ранений, сумел добыть «языка» и сбить самолет, заслужил офицерское звание. Таким образом, перед нами настоящий герой, и бывалым воинам он пришёлся по душе. Как и простой, ясный, запоминающийся язык поэмы.

Слайд 45

Война в поэме «Василий Тёркин» изображена жестоко: страшная, гибельная переправа, изматывающий бой за деревню, сожженную немцами, «смертный бой» в крошечной мгле в болоте, обстрел немецким самолетом окопавшихся солдат и иные трагические эпизоды. Фронтовой быт солдат списан прямо с натуры. Солдатам приходилось пить воду откуда придется, спать на земле, мыться снегом, согреться на бегу или у костра.

Часто в пределах одной главы трагическое и героическое повествование переплетается с юмористическим звучанием. В главах «Василия Тёркина», печатавшихся рядом с официальными материалами, нет упоминаний ни о Сталине, ни о партии. А «политбеседа», которую герой поэмы ведет на тех же страницах, исчерпывается словами «Не унывай!».

Твардовский

... Не зарвёмся, так прорвёмся,
Будем живы — не померем,
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — всё вернем...
Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?..

Слайд 46. Кадры из мультфильма / без звука

А на «Ленфильме» в первый год войны выпустили мультфильм «Как Вася Тёркин призываться шел». Четырехминутная работа повествует о том, как знаменитый герой со своим верным другом — псом Трезором по дороге на призывной пункт побеждает фашистов-диверсантов. Студия «Диафильм» трехтысячным тиражом выпустила 69-кадровый фильм о Тёркине. Газеты того времени сообщали и о съемках на ленинградской студии полнометражного художественного фильма, как Тёркин сдавал экзамены великим русским полководцам. Главы поэмы печатались в «Правде», «Известиях», «Красной звезде», «Комсомольской правде», «Литературной газете», «Крокодиле» и других изданиях — с произведением моментально знакомились огромное множество читателей, в том числе на фронте. Отрывки из поэмы читают по радио знаменитые дикторы — Дмитрий Орлов и Юрий Левитан.

Слайд 47

Фронтовики верили, что Василий — реальный человек, в письмах просили автора дать адрес легендарного солдата, чтобы написать ему, подружиться. Бойцы с нетерпением ждали продолжения, передавали друг другу вырезки из газет, заучивали стихи наизусть. «Книга про бойца» издавалась, несмотря на военное время, большими тиражами. Стихами «Тёркина» говорила вся сражающаяся страна — как на фронте, так и в тылу. В конце 1942 года в «Библиотечке “Красноармейской правды”» и в «Молодой гвардии» появились первые отдельные издания поэмы.

Слайд 48. Заставка / музыка / движение

Часть 3. «НЕ ШУТЯ, ВАСИЛИЙ ТЁРКИН, ПОДРУЖИЛИСЬ МЫ С ТОБОЙ»

Слайд 49

Однако вскоре официальные идеологи разглядели в произведении «недостаточную партийность», их возмутило, что здесь нет ни слова о руководящей роли ВКП(б), что бойцы поднимаются в атаку с возгласом «За Родину!» а не — «За Сталина!». Твардовского обвиняли в правдивом описании фронтовой жизни, тяжкого солдатского быта, картины мучительных отступлений двух первых лет войны... Тёркин у него человек внутренне свободный, лишенный чиновничества и боязни начальства («дальше фронта не пошлют») и совсем не соответствует характеристике некоторых критиков, оценивавших его как некоего «балагура, весельчака», способного лишь поднимать настроение окружающих.

Твардовский

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.
Поле шел, лесною кромкой...
Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!..

Твардовский

«На “Тёркина” пала тень неизвестного, но столь авторитетного осуждения... что журналы, обращаясь ко мне за стихами, стали просить “что-нибудь не из Тёркина”. Редактор фронтовой газеты, где я работаю и где Тёркин печатался по мере написания новых глав, попросту сказал мне: “Кончай”. Тёркина до поры до времени мне не “рубать”».

Слайд 50

Другой, не менее важной опорой для поэта была жена. Она верила безгранично в его талант, и эта ее вера укрепляла поэта, когда он, казалось бы, готов был дрогнуть под напором тяжелых обстоятельств. За годы, прожитые вместе, Твардовский привык доверять ее уму, вкусу и чутью. Глава «О любви» в «Тёркине», посвящена жене. Не уступавшая мужу в начитанности и образованности, Мария Илларионовна (Машенька, Маня в его письмах) оставалась и в годы войны его постоянным, внимательным читателем и критиком, в котором он так нуждался. Едва ли не первая она поняла и приняла «Тёркина», оценила истинные достоинства поэмы: «Сам ты в эту болезнь вошел, сам из нее и выйдешь. Я твердо знаю одно: ты с делом справишься, ты замечательный поэт; в твоей работе ты железный, терпения у тебя на сорок монастырей хватит». Она оказалась права.

Слайды 51–52

С декабря 1942-го по апрель 1944-го в «Красноармейце» появлялись публикации второй и третьей части. Последняя глава вышла 23 июня 1945 года в «Литературной газете». Твардовский написал ее под Кёнигсбергом, в замке Тапиау, в победные дни, слово читателям сдержал: Тёркин дошел до Берлина. Дочери вспоминают: «А вечером “все стволы палили в счет салюта”. Из своего нагана палил в небо и наш отец с крылечка прусского домика — последнего военного пристанища редакции “Красноармейская правда”. Опустошив барабан, он ушел к себе и заперся. Товарищи потом не сомневались, что именно той ночью он написал или начал писать заключительную главу “Тёркина”».

Вслед за вступлением «От автора» в поэму вошло десять глав: «На привале», «Перед боем», «Переправа», «О войне», «Тёркин ранен», «О награде», «Гармонь», «Два солдата», «О потере» и «Поединок». Над последней авторской редакцией текста поэт работал в 1971 году, незадолго до смерти. Варианты и изъятые главы были опубликованы в издании поэмы в серии «Литературные памятники» (1976).

Слайд 53

Высоко оценили «Тёркина» известные советские поэты. Сохранились восторженные отзывы Ольги Берггольц: «Как радовались мы, когда в Ленинград прибыли центральные газеты с главами “Василия Тёркина”. В Ленинград — значит, и в армии, оборонявшие его.

В одной из военных частей меня как-то спросили: “А вы знакомы с Василием Тёркиным?” — “Конечно, знакома”. Я думаю, что имела право так ответить, потому что давно знакома с Александром Твардовским...»

Слайд 54

В апреле 1943 года поэт наконец-то вырвался к семье в Чистополь, где тогда обосновалась в эвакуации большая писательская колония. В городском кинотеатре Твардовский, выступая вместе с Борисом Пастернаком и Михаилом Исаковским, читал отрывки из «Тёркина». Мария Илларионовна не советовала читать «Переpravу»: настроения в среде эвакуированных были и так довольно сумрачными и тяжелыми. Но Твардовский все-таки прочел, и с большим успехом. Тогда Борис Пастернак говорил о «неслыханной простоте» поэмы — «непростой, возвышенной простоте, — которая «всего нужнее людям».

Слайд 55

Иван Бунин, один из самых взыскательных мастеров русской литературы XX века, писал: «Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова». А Леониду Зурову он говорил: «Удивительная книга, а наши поэты ее не почувствуют, не поймут. Да и откуда им знать? Ведь они ни народа, ни солдатской речи не слышат. Вот вы услышите, скажут: ну, что такое Твардовский. Да это частушка, нечто вроде солдатского раешника. А ведь его книга — настоящая поэзия и редкая удача...»

Слайд 56

Твардовский

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель, —
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.
Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая, —
Кому не дорога!
Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.
А убьют — так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинёлкою потертою
Укроют — спи, солдат!

Слайд 57

«Василий Тёркин» остался главным, самым знаменитым произведением Твардовского. В 1946-м он получил за него Сталинскую премию. Поток читательских писем тем временем не иссякал и после войны. Кто-то просил, а кто-то требовал, чтобы Тёркин оставался у всех на виду, принимал участие в обустройстве послевоенной жизни. Одни читатели отправляли его в колхоз или на стройку, другие хотели, чтобы он остался в армии, обучал молодых солдат. Появился Тёркин-пожарник, Тёркин-зенитчик, Тёркин-целинник, Тёркин-строитель и Тёркин-милиционер. «Соответственно, — писал Твардовский, — никакого разрешения у меня спрашивать не нужно: “Тёркин” давно уже не принадлежит мне».

Например, бывший фронтовик Н. Матвеев писал автору:

Но прошло четыре года,
Как настал войне отбой,
Как тебя средь нас не стало,
Что случилось, брат, с тобой?..
Может, ты ушел на стройку
Пятилетки боевой?
Но наш адрес ты ведь помнишь —
Он все тот же — полевой...
Но мы знали твой характер,
И уверены мы в том,
Что ты с нами будешь вместе
После всей войны большой
В нашей армии трудиться,
Как в семье своей родной,
Ты ей можешь пригодиться,
У тебя ведь опыт свой...

Слайд 58

В 2025 году «Книге про бойца» исполняется 80 лет. Твардовский прекрасно понимал значение своей поэмы, которой суждено было надолго его пережить, — в этом смысле можно уподобить «Тёркина» «Памятнику» Горация и Пушкина. Твардовский подчеркивает, что этот образ «задуман и вымышлен... многими людьми» — в первую очередь его корреспондентами-солдатами, сразу читавшими новые части поэмы. Тёркин научил читателя никогда не трусить и не бежать с поля боя, никогда не сдаваться, даже если тяжело и трудно. Способность людей смотреть на ситуацию с лучшей стороны делала их сильнее и выносливее. А именно это было необходимым залогом победы.

Слайд 59

Твардовский

Война так велика, если взять хоть по одной линии от столицы до восточно-прусской границы, так велика от родного своего края до другого, так много вобрала уже в себя погоды, природы, времен года и стольким, стольким не дала дойти даже до половины своей, что и мы, живые, вряд ли еще сознаем... Как бесповоротно мы постарели от нее, как много ушло, втоптанно в эти годы.

Слайд 60

Фрагмент моноспектакля Олега Табакова «Василий Тёркин».

Слайд 61. Заставка/ музыка/смена фото

Список источников

1. **Твардовский, А. Т.** Я в свою ходил атаку : дневники 1941-1945 / Александр Твардовский. – Москва : АСТ, 2023. – 443 с.
2. [Воспоминания об А. Твардовском](#) : сборник / сост. М. И. Твардовская. – Москва: Советский писатель, 1978. – 488 с.
3. [Мартынкевич, С. А. «Чутьё у него – ну просто репортёрское...»](#). Спецкор газеты «На страже Родины» Александр Твардовский / С. А. Мартынкевич // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 12. – С. 82-91.
4. **Твардовский** без глянца : проект Павла Фокина / сост., вступ. ст. П. Фокина. – Санкт-Петербург : Амфора, 2010. – 446 с.
5. [Черкасова, А. А. Изображение военных будней в поэме А. Т. Твардовского «Василий Тёркин»](#) / А. А. Черкасова // Великая Отечественная война в исторической памяти поколений: изучение, интерпретация, уроки прошлого : материалы Всероссийской научно-практической студенческой конференции. – Брянск, 2023. – С. 197-203.